

Toporov, Vladimír Nikolajevič

Др.-инд. prathamá - : к реконструкции одного из вариантов индоевропейской концепции "первого"

In: *Grammaticvs : studia linguistica Adolfo Erharto quinque et septuagenario oblata*. Šefčík, Ondřej (editor); Vykypěl, Bohumil (editor). Vyd. 1. V Brně: Masarykova univerzita, 2001, pp. 165-174

ISBN 8021026499

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/123203>

Access Date: 28. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ДР.-ИНД. *PRATHAMÁ-* : К РЕКОНСТРУКЦИИ ОДНОГО ИЗ ВАРИАНТОВ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ КОНЦЕПЦИИ «ПЕРВОГО»

Как известно, др.-инд. *prathamá-*, засвидетельствованное уже в древнейших ведийских текстах, представляет собою порядковое числительное со значением 'первый', склоняющееся как прилагательное и семантически связанное, соотносимое с количественным числительным *éka-* 'один'. Так же известно и то, что «один», строго говоря и уж во всяком случае по происхождению, вообще не является числительным¹, а если говорить о древнеиндийском и других индоевропейских (и не только индоевропейских) языках, только оно из всех количественных числительных формально никак не связано с обозначением «первого», ср. др.-инд. *éka-* : *prathamá-*, др.-греч. εἷς : πρῶτος, лат. *unus* : *primus*, ст.-слав. ЕДННЪ: ПРЪВЪ и т. п. Более того, ни «один», ни «первый» по сути дела не требуют счетной операции — их достаточно указать-выделить («этот», «именно этот»). Все же другие элементы числового ряда сохраняют формальное единство соответствующих количественных и порядковых числительных (исключения редки и, как правило, объяснимы, ср. *два*: *второй*), ср. др.-инд. *dvá-* : *dviṣya-*; *tri-* : *trīya-*; *catúr-* : *turīya-* (из индо-иран. **(k)tur(i)ja-*, ср. мл.-авест. *ā-xtūirīm* 'четырежды' — к и.-евр. **ktur-*) [Mayrhofer 1991, 657]; *pāñca-* : *pañcamá-* (*pañcathá-*); *ṣaṣ-* : *ṣaṣthá-*; *saptá-* : *saptamá-* (*saptátha*); *aṣṭá-* : *aṣṭamá-*; *náva-* : *navamá-*; *dása-* : *dasamá-*.

Обе вышеназванные «известности» дают основания (сильнее — являются своего рода императивами) считать, что *prathamá-*, с одной стороны, продолжает оставаться не до конца решенной проблемой, и, с другой стороны, что варианты нового и более адекватного объяснения происхождения этого слова все еще не исчерпаны. Надежды на объяснение лежат в сфере происхождения слова, т. е. отсылают к так называемому началу (*ágra-*), первому разу («в первый раз»), прецеденту, из которого все возникло и к которому возвращаются в ритуале и в языковой памяти.

Естественно, что, выдвигая новую точку зрения, приходится обращаться к уже имеющимся попыткам объяснить этимологию исследуемого слова, особенно последним по времени. Дважды за последние 40 лет к этимологии *prathamá-* обращался М. Майрхофер. В первой версии форма слова определяется как Superlativ к *prá*, слову, обозначающему направленность вперед, изнутри вовне, наружу. При этом указывается, что неясным остается элемент *-th-*, который, однако, по мнению автора, получает поддержку в реконструируемой праиранской форме, содержащей *th*, а именно **parḥama-* (как бы параллельная паре

иран. **pra-tama-* [ср. авест. *fratəma:* др.-инд. *pratamām*]), которая и рассматривается как первичная (к тому же указывается и Comparativ от того же *prá – pra-tarām*), см. [KEWAi. II, Lief. 13, 1959, 363–364]. Конечно, несмотря на все усилия Майрхофера именно элемент *-th-* остается самым слабым местом в объяснении, тем более что его функция в данной ситуации совсем не выяснена². Не случайно, что в последней по времени версии объяснения этого слова [EWAi II, Lief. 13, 1993, 179] тот же исследователь вовсе не касается самого элемента *-th-* и говорит об индо-иранском составном суффиксе **-thama-*, предлагая видеть в нем суперлативное *-tha-* и *-ma-*, возможно, как результата контаминации из *-tama* и *-tha-* со ссылкой на [Ai. Gr. III, 1930, 404–405] и др.

Основная идея, лежащая в основе предлагаемого здесь объяснения слова *prathamá-* и опирающаяся прежде всего на семантические аргументы как в узком смысле, так и в широком, исходящем из того, как могли представлять себе древние арии контекст, мотивирующий обозначение некоего важного явления словом *prathamá-*, покоится на совершенно иных принципах. Прежде всего значение «первый» (как и «ранний», «главный» и т. п.) не является мотивацией внутренней формы слова *prathamá-*, во всяком случае в истории развития смыслов, связываемых с этим словом. Если уж исходить из наиболее авторитетного источника, каковым является текст «Ригведы», и из набора значений слова *prathamá-* в нем, то представляется почти очевидным, что мотивирующим слово смыслом оказывается не «первость», а «начальность», некая исходная ситуация. Кстати, слово *prathamá-*, когда оно выступает как наречие (Adv.), оно нередко как раз и актуализирует этот смысл «начальности», ср.: *Divás pári prathamám jajñe agnir asmád dvitīyam pári jātávedāh | tṛtīyam apsú nṛmānā ájasram índhāna enam jarate svādhih* [Rv X, 45, 1] «В начале с неба родился Агни, во второй раз — от нас, знаток (всех) существ, | В третий раз — в водах. Его неослабевающего, воспевают, зажигая, тот, чья мысль мужественна, чьи намерения прекрасны». Разумеется, и *prathamám* здесь можно было бы перевести как «в первый раз», но это было бы предпочтением экстенсивному способу перевода перед интенсивно-сущностным. Когда это слово выступает в функции наречия (*prathamám, prathamatas*), то в ключевых контекстах именно начало — ‘сначала’, ‘прежде всего’, т. е. по сути дела ‘до всего’, и, строго говоря, этот корень *prath-* обозначает ту грань, которая отделяет состояние «до» от состояния «после», которая одновременно является и последним моментом «до всего» и первым моментом, когда началось само это начало. Более того, можно настаивать на том, что корень *prath-* точно указывает и на содержание этого начала, на то, с чего оно началось, в чем оно состояло и какова была мотивация идеи «первости» и импульс к выстраиванию главной формы организации-порядка — числовой, ставшей одной из самых ранних версий языка космологии, когда большой мир-вселенная еще был строго соотнесен, поэлементарно, с малым миром-человеком³, а следовательно, и языка антропологии.

Вот этот двуединый «космо-антропный» контекст и подводит непосредственно к предлагаемой здесь гипотезе о семантической мотивировке понятия «первости», иначе говоря, к этимологии слова *prathamá-*, выступающего в текстах «Ригведы» уже в грамматикализованном виде как обозначение порядкового числительного «первый», сохраняя, правда, при этом и те смыслы, употребления и контексты, которые позволяют отчасти судить и о том этапе в развитии смыслов этого слова, когда оно еще не вошло в стадию грамматикализации.

Представляется, что ближайшим и обладающим наибольшей экспликативной силой в отношении др.-инд. *prathamá-* является глагол *prath-*, обозначающий расширение, рас-тягивание и встречающийся в «Ригведе» шесть десятков раз. Этимология этого слова, несмотря на частности в реальной реконструкции формы слова, не вызывает сомнения. Др.-инд. *prath-* возводится к и.-евр. **plēt-* / **plōt-* / *plət-* [Pokorny I, 833–834] или – в более дифференцированной записи – к и.-евр. **pleth₂-* [EWAi II, Lief. 13, 1993, 178–179]. Слова этого корня обнаруживаются в подавляющем большинстве групп индоевропейской языковой семьи; правда, как правило, в качестве первичной формы выступают существительные и прилагательные, образованные от этого корня, в отличие от древнеиндийского в том отношении, что в нем представлен и первообразный глагол *prath-* (*prathate*), и именные образования *práthas* ‘рас-тяжение’, *sa-práthas*, *su-práthas*, *prathimán-* ‘широкое растяжение’, ‘широта’, *prathiṣṭha-* ‘вытянутый’, ‘растянутый’ (в Superl.)⁴ и др., о чем см. дальше. Разумеется, и глагол *prath-* разнообразится наличием разных префиксов (в «Ригведе» – *abhi*, *ā-*, *ni-*, *pari-*, *vi-*). Ближайшие параллели к *prath-* отмечены в мл.-авест. *fraθa. sawuah-* ‘die Kraft verbreitend’ (*fraθant-*, см. [Bartholomae 1904, 983]), а также в дардских языках, не говоря уж о продолжениях *prath-* в средне- и новоиндийских языках [Turner 1966, № 488a; Turner 1985, 14707; EWAi. II, Lief. 13, 1993, 178–179]⁵.

Вместе с тем нужно напомнить, что с др.-инд. *prath-* (полная ступень корневого гласного), как и с соответствующим корнем в индоевропейских языках, связаны и слова с нулевой ступенью корневого гласного (рефлексы и.-евр. **plət-*, см. [Pokorny 1959, 833–834]). Ср. др.-инд. *prthú-* ‘широкий’, ‘далекий’, ‘большой’, ‘растянутый’ и т. п.; *prth(i)vī* ‘земля’ (в функции Матери-Земли, обожествленной Земли), *prtha-* ‘ладонь’, название меры длины: *prthak* ‘отдельно’, ‘обособленно’ (т. е. на большом расстоянии от исходной точки, от центра); *prthutā* ‘величина’, ‘объем’ и т. п.⁶, ближайшие параллели к которым – в мл.-авест. *prəθu-* (иран. **prθu-*), входящем в ряд фразеологизмов, общих с ведийскими и безусловно относимых (по меньшей мере) к индо-иранскому наследию⁷.

Особое внимание привлекает обозначение земли как ш и р о к о й, рас-ширенной – *prth(i)vī* : *prthú-*. Несомненно, в ведийскую эпоху да и позже языковое сознание прочно связывало эти слова и потенциально ориентировалось на модель *prthú* & *prth(i)vī*, своего рода эксплицированную *figura etymologica*. Но земля понималась как широкая и

тогда, когда ее языковое обозначение не отсылало к идее широты-расширения, ср. сочетания *bhūmi-* (*bhūmī*) и *kṣam-*, обозначающих землю, с *urú-* ‘широкий’, ‘просторный’, ‘необъятный’ — *surétasā pitārā bhūmā cakratur urú prajāyā amṛtaṁ vārīmabhiḥ* [RV I, 159, 2] «Двое родителей с прекрасным семенем создали для потомства з е м л ю, ш и р о к у ю, бессмертную, с ш и р о к и м и п р о с т о р а м и»; *paprātha kṣām māhi dānso ūr vīm* [RV VI, 17, 7] «Он расширил з е м л ю – великое чудо! – ш и р о к у ю» (об Индре) и т. п. ⁸

Но более существенно, конечно, то, что в ведийских текстах и глагол, связываемый с землей как субъектом или объектом (в этом последнем случае субъектом оказываются боги, прежде всего Индра, но также Митра-Варуна и др.), несет в себе значение расширения-распространения-рас-тягивания. И здесь снова неизбежная встреча с глаголом *prath-*, чаще всего входящим в узкий контекст с землей обозначаемой именно как *prthivī* Ср.: *sá dharayat prthivīm paprāthac ca vājreṇa hatvā nīrapaḥ sasarja | āhannāhim...* [RV I, 103, 2] «Он укрепил землю и расширил (ее). Убив ваджрой (Вритру), он выпустил течь вбоды. | Он убил змея...» (характерно, что этот подвиг Индры, собственно, и образует начало космологии); — *sá dhārayad prthivīm paprāthac ca...* [RV II, 15, 2] «Он удержал землю и расширил (ее) и...» (об Индре); — *prathiṣṭa yāman prthivī cid eṣām* [RV V, 58, 7] «Сама земля расширилась во время их похода»; — *Índrasomā <...> aprathatam prthivīm mātaram...* [RV VI, 72, 2] «О Индра-Сома, <...> вы широко простерли землю-мать» (к Индре-Соме); — *tāt prthivīm aprathaya s, tād astabhñā utā dyām* [RV VIII, 89, 5] «То распростер ты землю, то укрепил даже землю»; — *yá rīēna sūryam ārohayan divy aprathayan prthivīm mātaram vi <...>* [RV X, 62, 3] «(Вы), которые праведным трудом подняли солнце на небо, распространили землю – мать <...>»; ср. также *dirghām prthú sādma paprathē pārthivam* [RV V, 87, 7]: с обыгрыванием и отсылкой к мотивам шири, расширения и земли, ср. звуковой комплекс *p-r/ṛ-th-*).

Уместно обратить внимание на то, что может выступать субъектом и/или объектом при глаголе *prath-* ‘распространять(ся)’, ‘расширять(ся)’. Несомненно, что основную массу примеров в этом контексте составляют понятия, имеющие непосредственное отношение к космологии и, более того, обозначающие существенные части Космоса (в ходе оплотнения космической ткани *prath-* начинает сочетаться и с «бытовыми» понятиями, освященными, однако, причастностью к космическому) — Небо-Земля (*dyāvāprthivī*, см. [RV X, 82, 1; 149, 2] и др.), оба мира, т. е. те же Небо и Земля (*ródasī*. [VIII, 3, 6]), весь мир одушевленного и неодушевленного (*bhūvanāni*. [VI, 7, 7; IX, 94, 2] и др.), небо (*div*. [III, 61, 4, VIII, 51, 8] и др.), воздушное пространство, темное пространство (*rājas*. [VI, 69, 5]), ширь, широкое пространство (*urú*. [IV, 53, 2; X, 170, 3] и др.; *varimán*. [I, 55, 1]), солнце (*sūrya*. [III, 14, 4]), свет, световое пространство (*rocana*. [VIII, 94, 9] и др.), утренняя заря и ее персонификация Ушас (*uśás, Uśás*. [I, 124, 5; IV,

51, 8] и др.), земля (см. выше), потоки (*árnañsi*. [VII, 18, 5]), небесная влага, дождь (*vr̥ṣṭí*. [VIII, 12, 6]), море (*samudrá*. [VIII, 3, 4]), река (*síndhu*. [I, 92, 12]), небесные звуки, свист Марутов (*dhamáni*. [II, 11, 8]), мировой закон, истина, «рита» (собственно, рог риты — *rtásya śr̥ṅga*. [VIII, 86, 5]), желание как космическая сила (*kāma*. [III, 30, 19–20]), молитва, благоволение (*sumatí*. [X, 31, 6]), богатство, благо (*rayí*. [II, 25, 2; VII, 42, 6]), жертвенная солома, бархис, образ мирового центра (*brahís*. [X, 70, 4; X, 110, 4] и др.), колесница, в частности, средство передвижения богов (*rátha*. [VII, 69, 2]), жилье, семья, род (*viś*. [VII, 33, 6]), скот (*paśú-*. [I, 92, 12] — косвенно). С глаголом *prath-* связаны и божественные персонификации — боги, конкретно — Индра, Варуна, Агни, Вишну, Брахманаспати, Маруты, Ушас, родительница коров ([I, 124, 5]: она же Ушас, здесь по имени не обозначенная), божественные певцы Адитьи [III, 54, 10], певцы-*vīprās*, мужи (*mf*).

Эта связь глагола *prath-* со сферой космического, возникшей непосредственно в результате расширения, процесса появления «широкого пространства», обоснована самой умозрительной концепцией возникновения-происхождения мира, Космоса, сформированной ведийскими риши (*ṛṣi*). Это учение возникло не ради удовлетворения потребности в интеллектуальных упражнениях, в рефлексии, но для того, чтобы обеспечить безопасность этого новосозданного космического мироустройства и ради избавления людей от страха — *bhayá* (от *bhí-* 'бояться', 'страшиться') перед тайными деструктивными силами, противостоящими Космосу. Этот «древний страх» (своего рода ведийский *terror antiquus*) носил тотальный характер и чтобы избежать его нужно было воздвигнуть тотальную же защиту, обеспечивающую безопасность со всех сторон⁹, в которой бы участвовали все главные космические силы.

В контексте архаичной ведийской картины мироустройства действие, обозначаемое глаголом *prath-* должно быть признано ключевым, основоположным. Он как раз и фиксирует начало начал творения. До того как совершился первый акт творения, по мнению ведийских мудрецов, которое могло бы быть подкреплено данными и ряда древних индоевропейских традиций и, следовательно, реконструировано (и отчасти даже в языковой форме), не говоря уж о других, в мире ничего не было, а значит и не было самого мира даже в самом первом наброске его творческого плана. Знаменитый космогонический мир [RV X, 129] представляет собой по сути дела т. наз. «не..., ни...»-текст. Несколько фрагментов из него — «Не было не-сущего, и не было сущего тогда (*Násad āsīn nó sād āsīt tadānīm*). Не было ни воздуха, ни небосвода за его пределами <...> Не было ни смерти, ни бессмертия тогда. Не было ни признака дня (или) ночи. Дышало, не колебля воздуха, по своему закону Нечто Одно (*tád ékam*), и не было ничего другого кроме него <...> В начале на него (Одно. — В. Т.) нашло желание (*kāmas*), что было первым (*prathamam*) семенем мысли. Происхождение сущего в не-сущем открыли (*sató bāndhum āsati nir avindan*) мудрецы размышлением, ища в сердце (*hr̥dī*) (своём) <...>»¹⁰.

Это «ничего не было» верно во всем кроме одного: все-таки было Нечто Одно, порожденное силой жара (*tápasas... mahinā*), и у него было желание (*kāmas*). Это «некое» Одно вовсе не означало, что оно было: если о нем на языке людей и можно говорить так, то только как о некоей виртуальности, о потенци, которая в неких иных условиях могла и осуществиться, стать реальным присутствием. В этом смысле «Нечто Одно» не более, чем точка, не имеющая никакого измерения и, следовательно, лишенная способности местообразования — нет места, значит, нет и ничего нуждающегося в нем, т. е. полное отсутствие, небытие. Но потенциально это небытие (*á-sat*) могло стать бытием, если только что-то иное устремится к нему как к чему-то имеющему стать некогда центром. И это иное нашлось в виде особого движения, как раз и кодируемого корнем *prath-*. Это расширяюще-распространяющее движение привело к появлению пространства, собирающегося вокруг виртуальной точки как центра и все далее и во все стороны отступающего от него, порождая тем самым «места», готовые принять в себя сущее. *Prath-*действие есть переступание предела и выход в беспредельность, в ширь, в простор; оно, собственно, и есть простираение простора, первое (*prathamá-*) космогоническое со-бытие, открывающее двери бытию и приглашающего его быть как реальность. Но, будучи первым космогоническим актом, *prath-*действие продолжает пребывать высоким образцом для всего, что рождается, развивается, распространяется, одним словом, живет, преодолевает-превосходит само себя. Собственно говоря, *prath-* и обозначает первичный космогонический акт, усвоенный в дальнейшем как принцип движения с эк-тропической направленностью. Во всяком случае *prath-*действие в составе и последовательности космогонических актов предшествует и удерживанию пространства, и сохранению соотношения неизменности между космическими зонами, и заполнению пространства, и охватыванию всего сущего в едином (*Ека*), и превосхождению вселенной и — по крайней мере в ряде вариантов — установлению опоры [Огибенин 1968; Ogibenin 1973].

Как первое и главное действие в цепи космогонических актов (в ведийской мифологии, относящейся к творению, борьба с Хаосом и его стихиями и персонификациями уже предполагает и бытие, и мир, и животных и т. п.) *prath-*действие имеет своими объектами прежде всего землю, основным свойством которой выступает ее широкость, рас-пространенность (*prthiví* : *parth-*), небо, Небо-Землю, чем вводится идея порождения жизни через связь оплодотворяющего Неба и оплодотворяемой Земли, родительницы всего живого на созданном *prath-*действием пространстве. В этом контексте сочетание столь часто обыгрываемой идеи подобия *prath-* ‘расширять’, ‘распространять’ и *prthiví* ‘земля’ (как «широкая») никак нельзя считать случайным, особенно в связи с контекстом «первого» рождения (см. вед. *prathama-já*, о перворожденном, или выше — *pari prathamám jajñe*. [RV X, 45, 1] и т. п.). Есть много оснований считать, что к этой игре «звучков и смыслов» подключается и обозначение «первости» в ведийском (и позже) *prathamá-*.

И еще одно — весьма немаловажное — основание. Речь идет о космологической семантической мотивировке и других (следующих по порядку) обозначений числительных, о чем можно здесь напомнить лишь вкратце. Как показывает семантическая типология, мотивировка числительных, начиная с двух и до четырех, может носить именно «космологический» характер, с ориентацией как на количество элементов ряда, так и на порядок возникновения этих элементов.

В другом месте писалось, что названные только что числа (2–3–4) играют исключительную роль в мифопоэтической космологии, а их языковая форма глубочайшим образом связана с реалиями космологической картины мира. Между прочим, существует и особый класс текстов «числовых» загадок на космологические темы типа ведийских *brahmodya*. Их схема достаточно диагностична: Что есть два? — Небо и Земля & Что есть три? — Верхний, Средний и Нижний миры & Что есть четыре? — Четыре стороны света. В таких примерах главное — концепция, лежащая в основе соответствующей картины мира. Но еще более удивителен и глубок языковой аспект связи обозначений этих числительных с космологическими представлениями и образами. Уже давно было обращено внимание на то, что армянское обозначение неба и земли (*erkin* и *erkir*) соотносятся с обозначением числительного «два» *erku*, восходящего к и.-евр. **duuō*. А это как раз и означает, что арм. *erkin* и *erkir*, небо и земля, мотивированы как члены космологической двойцы — (Отец-)Небо и (Мать-)Земля. В исследованиях, посвященных семантике троичности, было показано, что мифопоэтические представления о трех полнее всего реализуются в архаичных схемах, приуроченных к вертикальной оси мироздания — трем космическим зонам и вертикальному движению между ними (в отличие от горизонтального движения, обозначаемого вед. *prath-*). Один из распространенных типов мифологического героя, прошедшего все три царства и обозначаемого нередко как «Третий», уже своим именем отсылает к и.-евр. **ter-*, кодирующему мотивы проникания-проницания, преодоления, победы и родственному и.-евр. **trei-* 'три' (:**ter-*). Обозначение четырех в и.-евр. **kʷetur-* первоначально, конечно, обозначало нечто иное — четырехугольное и/или четырехстороннее, например, дощечку соответствующей формы или тип поселения (*Roma quadrata*), или мыслимую форму плоскости земли и т. п., или что-либо еще. В этом отношении несомненное родство лат. *quattuor* 'четыре' и *quadratus* 'четырёхугольный', 'четырёхгранный' дает собственно лингвистическое основание связывать числительное «четыре» с соответствующей космологической четырехэлементной рамкой (см. [Топоров 1979, 3–20; 1980, 3–58; 1982, 629–631; 1983, 108–130; 1987, 111] и др.). Представляется весьма вероятным, что этот контекст обозначений числительных «два», «три», «четыре» дает основание выдвинуть предположение о связи др.-инд. *prathamá-* 'первый' с перводеянием в акте творения — *prath-* 'расширяться', 'распространяться', 'растягиваться'

и о мифопоэтической диалектике семантических мотивировок (своего рода «игры») обозначений числительных и в более общем плане¹¹. А сам комплекс *prathamá-* ‘первый’ и *prath-* ‘расширять’ & *prthiví* ‘земля’ выступает как эстетически отмеченный художественный образ концепции начала творения, ее первого шага в долгой истории мироустройства.

Примечания

- 1 Во всяком случае и.-евр. **oi-no-*: **ei-no-*, в целом ряде индоевропейских языков давшие слова, обозначающие «один», отсылают к местоименным (указательно-выделительным) образованиям.
- 2 Стоит отметить присутствие элемента *-th-* в некоторых других порядковых числительных, ср. *pañcathá-* ‘пятый’ при *pañcamá-*, *saptátha-* ‘седьмой’ при *saptamá-*, а также *ṣaṣṭhá-* ‘шестой’. Само сочетание двух суффиксов с элементами *-th-* и *-m-* вызывает определенные сомнения.
- 3 Ср. оба варианта схемы — первый, когда из элементов большого мира, вселенского пространства и состава синтезируется телесный и духовный состав «первочеловека», и второй, когда исходный состав «первочеловека», его тела отчуждается для сотворения большого мира-вселенной, его полноты. В обоих случаях речь идет об агрегатности как форме цельноединства возникающего из многообразия и разнообразия, об установке на синтезирование полноты состава. В этом смысле др.-инд. *pūruṣa-* (*pūruṣa-*) как обозначение «первочеловека» (но и человеческого рода в целом), конечно, связано и с *purú-* ‘многочисленный’, ‘обильный’, Adv. ‘много’, ‘часто’, но, вероятно, и с *pūrva-* ‘начальный’, ‘первый’, ‘предшествующий’, *pūrvam*. Adv. ‘до’, ‘прежде’, ‘раньше’, *pūrvyá-* ‘древний’, ‘первый’ и т. п. (: ст.-слав. прѣвѣ, прѣвѣ), в конечном счете из и.-евр. **prH-uo-* (**prH₃-uo-*), см. [EWAi II, Lief. 12, 1992, 157; Pokorny I, 1959, 815, ср. 800]. – Проблема соотношения и.-евр. **pəl-* (**pel-*) и **pər-(u-)* здесь не рассматривается.
- 4 Ср. *paprathaná*. Part. Perf. (семикратно).
- 5 Разумеется, соответствующий корень представлен (в частности, и в глаголах) и в других индоевропейских языках, ср. др.-ирл. *lethaim*, лит. *plėsti* (*plėčia*, *plėtė*), лтш. *plēst* и т. п., все со значением «расширять», «распространять», «вытягивать»; нельзя исключать и того, что и праслав. **плести* ‘плести’ (ст.-слав. ПЛЕСТИ, русск. *плести* и т. п.) должно быть причислено к этому ряду — плести как расширять, распространять пространство ткани (ср. русск. *волокно* и др. от *волочить*, *влечь* < **velk-/volk-* как определенного вида движения в расширяющемся пространстве).

- 6 Характерно использование элемента *pr̥thu-* для обозначения растущего-созревающего детеныша, плода, в частности и рисового.
- 7 Ср. *pr̥thu-jráyas-*: мл.-авест. *ḫərəθu. zraiiāh-*; *āpaḥ... pr̥thvīḥ*: мл.-авест. *āpō... ḫərəθiš*; *pr̥thú-srōni*: мл.-авест. *ḫərəθu.sraoni*; *pr̥thum yōnim... sasāda*: мл.-авест. *ḫərəθu. yaona* и др., см. [EWAi II, Lief 13, 1993, 162].
- 8 Эпитет *urú-* часто соединяется и с другими обозначениями пространства – от космического до почти «бытового», ср.: *antárikṣam uru* [RV III, 22, 2] ‘широкое воздушное пространство’ (около десятка примеров); *dyāvapr̥thivī ... urvī* [RV I, 61, 8] ‘широкое небо-земное (единство)’; *urú rájo antárikṣam* [RV VI, 61, 11] ‘широкое небесное пространство’ и т. п. – вплоть до *uruksáya-* как обозначение обширного жилища, ср. [RV I, 2, 9; X, 118, 8, 9]. — Ср. также [RV IV, 56, 1], где *dyāvāpr̥thivī* через сравнение соотносится с *váriṣṭhe br̥hatī* ‘широчайшими, высокими (глыбами)’. Существенно, что вед. *varimán-* ‘широта’, ‘широкая растянутость’, *váriman-* ‘беспредельность’ и др., *váriman* неоднократно отсылают именно к земле – *pr̥thivī, bhūmi-*.
- 9 Ср. заговор «На отсутствие страха» из «Атхарваеды»: 1. *ábhayaṃ dyāvāpr̥thivī ihāstu nó'bhayaṃ <...> | ábhayaṃ nó'stury antárikṣam <...>*; 2. *asmái grāmāya pradísas cātasra ūrjam <...>*; 3. *anamitrām no adharād anamitrām no uttarāt | indranamitrām naḥ paścād anamitrām puráskrdhi* [AV VI, 40]. «1. Отсутствие страха да будет нам здесь, о Небо-Земля! Отсутствие страха <...> Отсутствием страха да будет нам ш и р о к о е воздушное пространство! <...>; 2. Для этой деревни четыре стороны света (да будут отсутствием страха)! <...>; 3. Отсутствие враждебности нам снизу, отсутствие враждебности нам сверху. О Индра, отсутствие враждебности нам сзади, отсутствие враждебности с п е р е д и создай».
- 10 Ср. в связи с космологическими координатами в [AV VI, 40] подобное же в космогоническом гимне [RV X, 129, 5] – *tiraścīno vitato raśmír eṣām a d h á ḥ svid āsīd upári svid āsīt <...> svadhā avástāt práyatiḥ parástāt* «Поперек был протянут их шнур. Был ли низ? Был ли верх? <...> Порыв в низу. Удовлетворение н а в е р х у».
- 11 В известной степени и другие обозначения «первого» предполагают идею движения вперед, через-сквозь, ср. др.-греч. *πρότερος* ‘первый’, ‘предыдущий’, но и ‘прежний’, ‘прошлый’, т. е. давний (Compar. к *πρό* : *про-* ‘вперед’, ‘впереди’, но и ‘прежде’, ‘раньше’), *πρώτος* ‘первый’, ‘передний’, ‘начальный’, ‘старший’, ‘главный’, ‘основной’ (Superl. к *πρό* : *про-*), из и.-евр. **př-to-*, параллели к которому образуют и.-евр. **př-uo-*, откуда лит. *pirmas*, лтш. *pirmais* ‘первый’ (*pirms* ‘сначала’, ‘раньше’, ‘сперва’, ‘до’, ‘перед’, *pirmāk* ‘прежде’) при лат. *primus* ‘первый’, а также и.-евр. **př-uo-* (**perə-uo-*, с идеей преступая, перехода через предел, в конечном счете —

расширения, как и в др.-инд. *prath-*), откуда ст.-слав. *пръвъ*, *прѣвъ* и др. См. [Buck 1949, 939; Pokorny 1959, 814–815].

ЛИТЕРАТУРА

- Ai.Gr. 1930 – *J. Wackernagel, A. Debrunner*. Altindische Grammatik. Göttingen, 1930.
Bartholomae 1904 – *Chr. Bartholomae*. Altiranisches Wörterbuch. Straßburg, 1904.
Buck 1949 – *C. D. Buck*. A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. Chicago–London, 1949.
EWAi 1993 – *M. Mayrhofer*. Etymologisches Wörterbuch des Altondoarischen. Bd. II, Lief. 13. Heidelberg, 1993.
KEWAi 1959 – *M. Mayrhofer*. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch. Bd. II, Lief. 13. Heidelberg, 1959.
Огибенин 1968 – *Б. Л. Огибенин*. Структура мифологических текстов «Ригведы». М., 1968.
Ogibenin 1973 – *B. L. Ogibenin*. Structure d'un mythe védique. Le mythe cosmogonique dans le Rgveda. The Hague–Paris, 1973.
Pokorny 1959 – *J. Pokorny*. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, München, 1959.
Turner 1966 – *R. L. Turner*. A Comparative Dictionary of the Indo-Aryan Languages. London–New York–Toronto, 1966.
Turner 1985 – *R. L. Turner*. A Comparative Dictionary of the Indo-Aryan Languages. Addenda and Corrigenda, ed. by J. C. Wright. London, 1985.
Топоров 1979 – *В. Н. Топоров*. К семантике троичности (слав. **trizna* и др.) // Этимология 1977. М., 1979.
Топоров 1980 – *В. Н. Топоров*. О числовых моделях в архаичных текстах // Структура текста. М., 1980.
Топоров 1982 – *В. Н. Топоров*. Числа // Мифы народов мира. Энциклопедия. Том второй К–Я. М., 1982.
Топоров 1983 – *В. Н. Топоров*. К семантике четверичности (анатолийское **tet-* и др.) // Этимология 1981. М., 1983.
Топоров 1987 – *В. Н. Топоров*. Число как элемент языка описания и как парадигма в связи с его ролью в тексте // Исследования по структуре текста. М., 1987.

Владимир Николаевич Топоров
Ул. Самеда Вургунa 5–49
RUS-125315 Москва